

18+

Глеб Халебски

Сборник миниатюр

Глеб Халевски

Сборник миниатюр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988500

ISBN 9785005323781

Аннотация

На свете нашем любимом и необъятном много всего творится: и гадостей, и приятностей полно, чего больше – так просто не понять. В своих миниатюрах автор усердно пыхтит над этим вопросом, пытается раскрыть эту страшную тайну...

Содержание

Ночь	5
Детский лагерь	7
Дырявый	10
И не такое бывает!	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сборник миниатюр

Глеб Халевски

© Глеб Халевски, 2021

ISBN 978-5-0053-2378-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночь

Выполз из домика – норы, горизонта, дистрофический месяц, как лёд холодный, как зуб белый, как унылый светляк тусклый: вот и ночка явилась.

– Вишь, – вешала бабка – колдунья, строго глядя на при-
трушенного голубоглазого отпрыска без единого зуба, – Лу-
на убывающая – бедственные дни! На улицу ночью выйдешь,
а Ёжка – цап! И станешь ты супом!

Отпрыск хлопал глазами и ничего не понимал – слишком
юн и слишком неопытен, мало жил, мало видел, вот и не ве-
рил старой карге.

В полях огни: рыскают зубастые, маются! Попадётся кто
им – всё, конец, и малюсенького кусочка не останется!
В светлице старушки сидели, галдели:

– Вон муж мой покойный, Парамон Лукич, по дому род-
ному тоскует, печалится! Исстрадался, сердешный!

– А мой на днях снился – приходил, проклятый, в дом
стучался! Поутру я полынь свежую собрала, над порогом по-
весила – не войдёт покойник!

Девка Параша, спрятавшись за дверь, жадно и испуган-
но глотала каждое слово, всё представлялся ей мёртвый дед
с наигнуснейшим выражением лица, его полусгнившая лы-
сина, блестящая при свете месяца...

Страшный смех охватил всю округу: плешивый Семён Сапогов возвращался с попойки.

– Пьяница! – говорили женщины.

– Колдун! – пугались бабки.

– Дурачок! – пищали комарами дети.

На пороге полугнилой избы стояли доярка Зоя и её муж, конюх Прокоп, оба пузатые – препузатые, на озеро глядели.

– Слышь, Зоя, как лягушки завывают?

– Слышу.

– Быть беде! Неурожай в году этом будет!

– Алкаш старый! Спать иди!

С тем и загнали суеверного Прокопа в избу почивать: не будет больше тревожиться, бедный, пугаться не будет – будет во сне с друзьями горилку на свадьбе кума распивать да пятку чесать...

Вон, уже засопел! И в других домишках засуетились капризные жёны, загоня мужей и детей по избам. Послышались крики и вопли несчастных.

Вскоре над селом, вампиром бороздя ночное пространство, зашатался, загремел, загрохотал, заметался и окутал небо с землёю великан-дружный храп. Храпели все – все от мала до велика: мужья – твердо и уверенно, жёны – сбивчиво и тонко, точно беспокойные перепёлки на насесте, дети – быстро и пугливо, будто умирающие суслики. Вот и наступила самая настоящая деревенская ночь!

Детский лагерь

Явилась ночь, сжала в своих широких объятиях три древних крошечных домика, натуженных, с гордостью выпячивающих голубые глянцевые бока, немногочисленные лагерные постройки: открытый, с опущенным носом дровник, одинокий полевой туалет с сердечком – окном, таксоподобный амбар, оснащенный всеми удобствами для детского досуга, кривой.

Лился из окошек одного дома свет – бодрствовали его обитатели. По крайней мере, там могло бы показаться со стороны неопытному несмышлённому обывателю, который никогда не был в детском летнем лагере и потерял многое – целый океан впечатлений, положительных, ничем не заменимых эмоций бездарно упустил он. Так что если ты, мой читатель, относишься к этому кругу людей, рекомендую тебе внимательнейшим образом изучить мой рассказ. Ох!

Не автор издал такой неожиданный вздох – это Павел, один из вожатых, по-нашему – Павел Иванович, по-ихнему – Паш, Пашка, Паштет, вышел на крыльцо одного из домов, пьяный. Не в стельку, а так, немножко – штормило нашего героя. Гулял ветер по лагерю, как самый настоящий его обитатель, единственное, самый буйный и капризный: бил нещадно хлипкие постройки, людей, трепал занавески в окнах, шалил – сдувал со стола игральные карты и салфетки.

Павлу тоже досталось. Пошатнулся он, но устоял.

– Свежий, чёрт! – подумал он, хватаясь за перила.

Принято так у русского человека: один чёрт виновен во всех происшествиях.

Где – то вдали пищали и до боли в ушах извращались пьяные детские голоса – еле – еле тянули какую-то унылую песню. Рассекал воздух острым клинком свиной визг, разносился по лагерю – подбадривал кто-то несостоявшихся талантов – а, казалось, скотобойня...

Вслед за Пашом вышла Наталья – уродливая женщина с лягушачьим лицом и глазами, вся в складках жира, как немилосердно измятый старый матрас, обитающий где-то в глубинах кладовки – настоящая медвежья самка из страшных сказок, только без шерсти. Однако, как считал Павел и большая часть лагеря, шерсть ей была необходима – тогда, по крайней мере, непосвящённые были бы предупреждены о грозящей опасности...

Но любит не по – детски шалить чёрт на земле русской. Не удержался лукавый и в очередной раз знатно подпортил Пашу ночь. Наталья вылила смердящие помои прямо под ноги Павлу. Полезли вонючие останки фруктов на носы грязных ботинок, как ненавистные вожатому земляные червяки.

– Дура! – грачём крикнул Павел.

– Алкаш! – протрубила слонем женщина, заглушая всевозможные звуки.

Заподозрил неладное вожатый, хотел было идти восвояси,

но снова вмешался в людские дела чётр – дёрнул за язык.

– Жир! – рявкнул Паш.

Обозлилась Наталья, дрогнули исполинские брови и сжались богатырские кулаки, заштормился жир по всему телу – ходящее чёрное море двинулось на жертву. Павел понял, что попал впросак: сразить медведицу легко не получится – каменная кожа, копыта – зубы у этих зверей, не каждый охотник способен победить такое чудище. Всею душой сочувствует автор несчастному, но помочь, к сожалению, ничем не может: слишком узки полномочия автора. Поэтому оставляет он Павла на произвол судьбы и надеется, что минует буря героя, не погибнет вожатый в неравной борьбе. Отчаяние застигло Паша врасплох, но выдержал натиск герой – размахнулся, бросил широкий деревенский удар. Покачнулась Наталья, зарычала – ранен зверь, ранен в уязвимое место – под глаз. Не миновать попки полненького баклажана под кровавым медвежьим оком. Смел Павел, смел и отважен...

Однако очухался зверь, ринулся в бой. Не размахиваясь, пихнула Наталья Паша в грудь. Пал герой на мокрую землю.

– Какое красивое небо! – подумал умирающий.

Действительно: плюнул кто-то сгущенкой на чёрную простыню, образовал прекраснейший пейзаж. Хорошо умирать под такой картиной! Заснул вожатый крепким сном. Ко всем храпам добавился ещё один – храп несчастного охотника, павшего от когтей зверя.

Дырявый

Положил необъятный старик свою косматую бороду на море – туман, затянул воздух волосатыми ноздрями – ветер, чихнул – заштормила могучая стихия, побежали, поползли гусеницы – волны. Не мог налюбоваться глотатель кораблей и других морских объектов своей работой: улыбнулся, показал зубы – загорелся горизонт. Вышел на побережье радостный отдыхающий – Збыховский Александр Степанович, елю ровный, боками надутый, весёлый, как молодой медведь. Поднял с земли Александр бич рода животного – тяжёлый камень. Закрутился на месте кавказским танцором, мельницей замахал руками, до красноты натужился – катапульта готовилась к залпу. С богатырской силой метнул Збыховский снаряд в лицо старику. Появилось на горизонте большое синее пятно, послышался мученический стон – вой прибоя: прямо в лоб попал Степанович старику – синяк поставил. Вдохнул Александр свежий морской воздух, растянул резиновую улыбку – любовался своей работой. Но рассердился старей: с незапамятных времён не встречался он с такой наглостью. Надул морской властитель щёки – шары: поднялся ураган, испугалось море, задрожало, треснуло по швам. Поднялась далеко -далеко огромная волна. Зарычала она, показала жуткие клыки, сжала мускулистые руки и ринулась к берегу, на Збыховского – не дай чёрт увидеть

такое человеку с больным сердцем. Стрелой настигло чудовище удивлённого Семёновича, дало каменным кулаком под дых, медузой укусило за нос, обрисовало морскими чернилами глаз – фингал, мастерским броском уронило на камни. Избив героя, растворился монстр, утёк: утёк из жизни Александра, утёк из произведения. Покрякал Збыховский, покряхтел, еле – еле поднялся и хромой курицей заковылял прочь. По – крысиному, в спину, послал ненасытный старик Степановичу смешливую чайку: открылось окошко бомбардировщика – залило непотребным содержимым несчастного.

– К счастью, – подумал Александр.

Взгляд его случайно попал на одежду: не осталось живого места на одеянии отдыхающего.

– Теперь я дырявый, – грустно произнёс Збыховский и покачал головой.

И не такое бывает!

Вышли на подиум три инвалида – кандидаты. Извергнул город С. лучшие умы, «головы», как говорят привилегированные граждане, «головки», как нежно голубят их жёны. Собрались все, кому не лень: бездомные собаки, востроносые купцы, вдавленные тяжёлым атмосферным давлением плюшки, длинные жерди без намёка на лицо. Все выпучили глаза – паук получился, не менее косоногий, чем сами кандидаты. Казалось бы, все всего лишь рты разинули, а там корабельные трюмы открылись для мух – матросов: ничего, и не такое бывает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.